
▪ ЖЕРТВЫ И СОУЧАСТНИКИ

Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР

Н. С. Лебедева*

Статья посвящена исследованию фактов политической и военной истории, позволяющих воссоздать более полную картину крушения польского государства и его раздела в 1939 г.

Особое внимание уделено действиям Советского Союза, направленным на установление контроля над Западной Украиной и Западной Белоруссией, ранее принадлежавшими Польше.

Ключевые слова: Польша, Германия, Советский Союз, война Германии против Польши в 1939 г., Красная армия, Молотов, Западная Белоруссия, Западная Украина.

Keywords: Poland, Germany, the Soviet Union, Polish-German war of 1939, the Red Army, Molotov, Western Byelorussia, Western Ukraine.

70 лет минуло с трагических событий сентября 1939 г. Опубликованы десятки томов документов, сотни монографических исследований, тысячи исследовательских статей и эссе во многих странах мира, в том числе в России. Послевоенная советская историография и публицистика, вплоть до середины 1980-х гг. в основном повторяли тезисы официальной справки «Фальсификаторы истории», одним из авторов которой был будущий академик В. М. Хвостов. В них не только полностью оправдывались советско-германские договоры 1939 г., отрицалось существование секретных протоколов к ним, но и превозносились предвоенная политика СССР, направленная якобы на защиту мира и безопасности Страны Советов. Главными же поджигателями войны наряду с Германией назывались Великобритания, Франция и США¹. Утверждалось, что к 17 сентября Польша как государство перестала существовать. Действия же Красной Армии на ее территории именовались освободительным походом в Западную Белоруссию и Западную Украину.

Некоторые перемены в историографии кануна войны наметились после XX съезда КПСС, в 1956–1962 гг., но событий августа–сентября 1939 г. они практически не коснулись. В брежневский же период

запрещалась любая критика внешней политики советского государства; архивные фонды, связанные с международными отношениями, оставались наглухо закрытыми. Официальная публикация документов внешней политики СССР была приостановлена на XXI томе, т.е. на 1938 г. В многотомных исторических исследованиях утверждалось, что «вторая мировая война, порожденная взаимной борьбой капиталистических держав, началась как империалистическая с обеих сторон — и со стороны Германии, и со стороны Англии, Франции»².

Новая ситуация возникла лишь с конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда история внешней политики СССР в 1939–1941 гг. оказалась в центре внимания и историков, и широкой общественности³. В декабре 1989 г. Второй съезд народных депутатов СССР признал секретные протоколы к советско-германским договорам 1939 г. «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»⁴. Приоткрывшиеся архивы, многочисленные публикации документов, в том числе секретных протоколов к советско-германским договорам 1939 г., отмена цензуры создали благоприятные условия для научных исследований. Во многих работах, изданных в 1990-е гг., говорилось о четвертом разделе Польши, о судьбе польских военнопленных, депортациях, массовых

* Лебедева Наталья Сергеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

репрессиях. И все же процесс признания исторических реалий в СССР и постсоветской России шел с большими затруднениями⁵.

Сталин, ликвидировав к 1939 г. всех инакомыслящих соратников, переключил свое внимание с дел внутренних на внешнюю политику. Видимо, идея возвращения потерянных в ходе революции и гражданской войны территорий бывшей Российской империи импонировала одержимому гигантоманией «отцу народов». К тому же представлялось заманчивым столкнуть западные демократии и державы «Оси», а самому ждать, когда эти страны истощат друг друга.

С другой стороны, Мюнхенское соглашение убедило Гитлера в том, что он может и дальше проводить политику ультиматумов и захватов, не встречая сопротивления со стороны западных держав. Реанимируя политику Рапалло, фюрер намеревался предотвратить альянс СССР с Англией и Францией, обеспечить на определенное время поддержку Москвы в его экспансионистских устремлениях и таким образом решить извечную для Германии проблему войны на два фронта⁶.

Действия гитлеровской Германии и сталинского СССР, заключивших 23 августа 1939 г. договор о ненападении с секретным дополнительным протоколом к нему, были направлены на ликвидацию государственного суверенитета и территориальной целостности четырех стран и как таковые грубо нарушали общепринятые нормы международного права⁷.

1 сентября 1939 г. гитлеровцы напали на Польшу, два дня спустя Великобритания и Франция объявили войну агрессору⁸. Встревоженные подписанием советско-германского пакта и не зная как поведет себя сталинская Россия в условиях войны, послы Франции и других стран при встречах с руководящими деятелями НКВД пытались прояснить позицию СССР. Так, поверенный в делах Франции в Москве Ж. Пайяр поставил перед В. П. Потемкиным следующие вопросы: «1. Сохраняет ли в наших [т.е. советских. — *Н. Л.*] глазах силу франко-советский пакт о взаимопомощи после того, как мы ратифицировали советско-германский договор о ненападении... 2. Посылаем ли нашу делегацию на предстоящую сессию Лиги Наций... 3. Совместимо ли наше участие в Лиге Наций обязательство статьи 4-й советско-германского договора о ненападении»⁹.

31 августа Молотов заявил в своей речи на IV внеочередной сессии Верховного Совета, что СССР и Германия «перестали быть врагами», а договор о ненападении между ними «является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы». На следующий день Гитлер, выступая в Рейхстаге, указал, что он «может присоединиться к каждому слову, прозвучавшему в речи русского народного комиссара иностранных дел Молотова». И. фон Риббентроп, в свою очередь, просил передать советской стороне, что он горячо приветствует сказанное наркомом и очень доволен предельной ясностью его речи¹⁰.

С 1 сентября началось непосредственное военно-политическое сотрудничество СССР с Германией. В этот день сотрудник германского посольства в Москве Г. Хильгер передал НКВД просьбу начальника Генштаба германских военно-воздушных сил, чтобы советская радиостанция в Минске служила радиомаяком для действий люфтваффе против Польши. Добро на это дал сам Молотов¹¹. Германские суда в Северной Атлантике получили приказ следовать в Мурманск, придерживаясь как можно более северного курса. В своем обращении в Москву германский МИД информировал: «Мы намереваемся и далее направлять немецкие торговые суда в Мурманск и ожидаем, что советское правительство облегчит разгрузку, погрузку и транспортировку грузов по железной дороге в Ленинград, куда будут заходить для погрузки немецкие суда»¹². Москва сообщила о своем согласии. В результате за первые 17 дней сентября 18 германских судов прибыли в Мурманск.

3 сентября новый полпред СССР в Берлине А. А. Шкварцев в торжественной обстановке вручил верительную грамоту А. Гитлеру и произнес речь, составленную в Москве и утвержденную В. М. Молотовым. В ней указывалось: «...Народы Советского Союза с глубоким удовлетворением встретили улучшение отношений между Советским Союзом и Германией, которое нашло свое торжественное выражение в ратификации советско-германского пакта о ненападении, подписанного в Москве и ратифицированного Верховным Советом Союза Советских Социалистических Республик в заседании 31 августа сего года... Советско-германский договор о ненападении кладет прочную основу для дружественного и плодотворного сотрудничества двух великих европейских государств в экономической и политической областях, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и, отвечая интересам всех народов, служит делу всеобщего мира». Фюрер в ответ заявил: «Немецкий народ счастлив, что заключен Советско-германский договор о ненападении. Этот договор послужит делу содружества обоих народов, как в политической, так и в экономической областях»¹³. Он заверил советского полпреда, что в результате войны будут разгромлена Польша и ликвидировано положение, существовавшее с 1919 г. по Версальскому договору. «При этой ревизии Россия и Германия установят границы, существовавшие до мировой войны», — подчеркнул Гитлер.

4 сентября Шуленбург довел до сведения Молотова основное содержание телеграммы Риббентропа, датированной предыдущим днем. В ней указывалось, что разгром польской армии займет несколько недель; в результате будут оккупированы области, входящие в сферу германских интересов. При этом подчеркивалось: «Естественно, однако, что мы будем вынуждены по причинам военного характера продолжать боевые действия против тех польских вооруженных сил, которые будут находиться в тот

момент на польской территории, принадлежащей к сфере русских интересов. Пожалуйста, немедленно обсудите это с Молотовым и выясните, не считает ли Советский Союз желательным, чтобы русские вооруженные силы выступили в соответствующий момент против польских вооруженных сил в районе сферы русских интересов и со своей стороны оккупировали эту территорию»¹⁴. Намереваясь втянуть СССР в операции против Польши практически одновременно с германским наступлением, гитлеровское руководство рассчитывало сделать его соучастником нового раздела Польши и тем самым свести на нет отношения Москвы с Англией и Францией. Видный российский историк А. О. Чубарьян отмечает, что «в Берлине, несомненно, отдавали себе отчет о том резонансе, который вызовет в мире фактически новый раздел Польши»¹⁵. В его монографии констатируется также, что советские лидеры, учитывая общественное мнение в мире и в СССР, не хотели выглядеть воюющим союзником Германии. Были предприняты определенные шаги, чтобы оттянуть время введения советских войск в Польшу, пока не будет очевидным ее скорое поражение, а также закамуфлировать истинные намерения советского руководства. Молотов, в частности, сказал 5 сентября польскому послу В. Гжибовскому: «В войне уже участвуют Германия, Польша, Англия и Франция, а Советский Союз не хочет быть втянутым в эту войну на той или другой стороне»¹⁶.

4 сентября советский нарком ответил Берлину: «Мы согласны, что в подходящий момент обязательно придется нам начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не назрел... Мы понимаем, что в ходе операций одна из сторон или обе стороны могут оказаться вынужденными временно переступить линию соприкосновения интересов обеих сторон, но такие случаи не могут помешать точному выполнению принятого плана»¹⁷. В таком же духе ответил и советский военный атташе М. А. Пуркаев главнокомандующему германскими сухопутными силами В. Браухичу.

Военные, экономические и идеологические меры по подготовке к вступлению частей Красной Армии в Польшу советское руководство предпринимало с первых дней войны.

1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон о всеобщей повинности. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение увеличить количество стрелковых дивизий в РККА с 51 до 173¹⁸. 3 сентября этот орган продлил на месяц службу в РККА для красноармейцев и сержантов, отслуживших свой срок и подлежащих демобилизации (всего 310 632 человека), а также о поднятии на учебные сборы сроком на 1 месяц приписного состава Ленинградского, Калининского, Белорусского особого и Киевского особого военных округов, частей воздушного наблюдения связи, автотранспорта, лошадей, тракторов, приведении в готовность пунктов

противовоздушной обороны Ленинграда, Великих Лук, Минска и Киева¹⁹. 6 сентября в семи военных округах была получена директива наркома обороны о проведении Больших учебных сборов, что означало скрытую мобилизацию.

8 сентября Политбюро утвердило совместное постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров (СНК) СССР о сокращении на срок с 10 по 20 сентября гражданских грузоперевозок с 66 448 вагонов до 46 243 в среднем в сутки и на треть — пассажирских составов, дабы высвободить их для военных целей²⁰. 10 сентября высшая партийная инстанция поручила Экономсовету обеспечить бесперебойное снабжение армии и флота продовольствием, вещевым, обозным, санитарно-ветеринарным и топливным довольствием, а также политико-просветительным имуществом; Комитету обороны — вооружением, техникой, боеприпасами и транспортом, включая железнодорожный. Председателем Экономсовета назначался А. И. Микоян, его постоянным заместителем — Н. А. Булганин. Комитет обороны возглавил Молотов, его заместителем, на которого возлагались обязанности подготовки вопросов и наблюдение за исполнением решений, стал Н. А. Вознесенский. Оба этих органа были расширены путем включения в них самых влиятельных в стране лиц. Их обязывали заседать ежедневно²¹.

ЦК ВКП(б) принял и другие меры, связанные с подготовкой широкомасштабной операции — так называемого «освободительного похода» в Западную Белоруссию и Западную Украину, то есть на те территории, которые в Польше назывались Восточными воеводствами. Наркоматам внутренних и иностранных дел было, в частности, предложено срочно систематизировать сведения о Польше и представить свои записки секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову. Именно в его адрес направил справку, подписанную начальником Особого бюро НКВД СССР П. Шарией, нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия. В ней характеризовались государственное устройство Речи Посполитой, ее национальный состав, экономика, вооруженные силы, транспорт. Указывалось, что во главе Польши стоит президент, наделенный властью в таких размерах, которые «далеко выходят за пределы функций и прав президента любого буржуазно-демократического государства». Подчеркивалось, что «польская конституция ничего не обещает ни в области социального обеспечения, ни в области охраны труда, она не гарантирует никаких свобод, не запрещает эксплуатации малолетних, не предусматривает никаких обязательств в охране материнства и младенчества». Сообщалось, что, по данным на 1938 г., население страны составляло 34,5 млн человек, причем по переписи 1931 г. 69% граждан называли себя поляками, 14,3% — украинцами, 3,9% — белорусами, 3,9% — немцами, 7% — евреями. Однако отмечалось, что официальная статистика преуменьшает количество национальных

меньшинств, которое, по мнению ведомства Берии, составляло 40% (7 млн украинцев, 2 млн белорусов, 3 млн евреев, 1 млн немцев, 100 тыс. литовцев и т.д.). Указывалось, что в Станиславском, Тарнопольском, Новоградском, Брестском и Волынском воеводствах поляки составляли менее 25% населения, в Львовском и Виленском — до 50%, в Белостокском — свыше 50%. Тем самым обосновывалась правомерность «возвращения» этих земель в состав советских Украины и Белоруссии. Подробно освещался вопрос о внешних задолженностях страны, о доле иностранного капитала в акционерных обществах (42,9%), приводились сведения о всех родах вооруженных сил Польши, о ее оборонительных сооружениях²².

Весьма любопытен и документ, составленный Восточноевропейским отделом НКВД. В нем, в частности, указывалось: «Польша образовалась после первой мировой войны из частей Австро-Венгрии, Германии, России. Польша при поддержке Антанты захватила Западную Украину и Западную Белорусию... Государственный строй Польши — республика фашистского типа». Авторы документа стремились доказать, что подавляющая часть населения страны — это безземельные и малоземельные крестьянские семьи (2 650 тыс.), в то время как середняцкие хозяйства насчитывали всего 600–700 тыс., кулацкие же, владевшие от 10 до 15 га земли, — 300 тыс. Подчеркивалось, что помещики, духовенство и государство владели почти половиной всей земельной собственности (42,4%). Приводились в справке и сведения о крупнейших партиях Польши²³. В дальнейшем НКВД одной из главных задач своих служб считал выявление всех членов польских политических партий, от левых до самых правых, как наиболее активной части населения, и их поголовное уничтожение.

Материалы о Западной Украине и Западной Белоруссии, о политике польского правительства было поручено подготовить и Исполкому Коммунистического Интернационала (ИККИ). В первые дни войны руководство Коминтерна, не получая указаний из Кремля, не видело ничего плохого в многочисленных заявлениях компартий в защиту Польши, с осуждением германской агрессии, в призывах сражаться против нацизма и фашизма²⁴. Однако 7 сентября генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров был вызван к И. В. Сталину, который «разъяснил» ему ситуацию. Вождь охарактеризовал Польшу как фашистское государство, которое угнетает украинцев, белорусов и др. «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население», — сказал Сталин²⁵. В результате уже на следующий день — 8 сентября — компартиям была направлена соответствующая директива. В ней подчеркивалось, что начавшаяся война — империалистическая, несправедливая, в ней одинаково повинна

буржуазия всех воюющих государств. «Войну не могут поддерживать ни в одной стране ни рабочий класс, ни тем более компартии... Война ведется между двух групп капиталистических стран за мировое господство. Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергнувшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности»²⁶.

15 сентября секретариат ИККИ принял постановление, запрещавшее коммунистам и сочувствовавшим им вступать в легионы, которые начали создаваться в ряде стран для участия в войне против нацистской Германии на стороне Польши²⁷.

Одновременно с политической подготовкой к вторжению в восточные районы Польши интенсифицировались и военные приготовления.

7–16 сентября отдаются приказы о призыве в армию резервистов пяти военных округов, передислокации многих соединений в направлении западной границы, формировании новых дивизий и корпусов. В составе Киевского Особого военного округа (КОВО) и Белорусского Особого военного округа (БОВО) создаются мощные группировки войск, переименованные затем в армии. 17 сентября политбюро приняло решение дополнительно направить на учебные сборы сроком на 1 месяц приписной состав кораблей Балтийского, Черного, Северного и Дальневосточного флотов (11 915 человек)²⁸. Предпринимаются и меры по расширению разведывательной работы, в том числе на флоте. 16 сентября нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов направил в политбюро записку о необходимости детального изучения будущего театра военных действий и вероятных противников, в первую очередь иностранных портов, подходов к ним и морских путей сообщения в Финском заливе и на Балтийском море. «Это легче всего осуществить путем совершения систематических рейсов одним из торговых судов (под торговым флагом) между наиболее интересующими нас портами, с выполнением действительных грузовых операций организаций Советского Союза, торгующих с заграницей. Чтобы не расшифровать систему изучения и вместе с тем представить широкую возможность командному составу изучать противника, необходимо предназначенное для этой цели судно укомплектовать полностью кадрами военно-морского флота...». Наиболее подходящим для этой цели называлось судно «Пионер», совершавшее рейсы по преимуществу между портами Финляндии, Эстонии, Латвии и Швеции²⁹.

9 сентября в связи с переданной из Берлина дезинформацией о занятии немецкими войсками Варшавы Молотов направил поздравления и приветствия германскому правительству и передал Шуленбургу, что «советские военные действия начнутся в ближайшие несколько дней»¹⁸. В тот же день нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов и начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников подписали директивы

№ 16633 Военному Совету БОВО и № 16634 Военному Совету КОВО о переходе войсками Белорусского и Украинского фронтов в ночь с 12 на 13 сентября 1939 г. советско-польской границы с задачей разгромить польские войска. В них определялись задачи на ближайшие два дня для каждой из армейских групп этих особых округов, на базе которых 11 сентября были сформированы и развернуты Белорусский и Украинские фронты³⁰. 10 сентября Молотов сообщил Шуленбургу о том, что уже мобилизованы 3 млн человек³¹.

В соответствии с приказом Л. П. Берии от 8 сентября в КОВО и БОВО создавались 9 оперативных групп по 50–70 чекистов в каждой, придававшиеся армейским группам. В их распоряжение выделялось по 300 бойцов. Для проведения всех необходимых мероприятий на Украину направлялся первый заместитель Берии начальник Главного управления госбезопасности В. Н. Меркулов, в Белоруссию — начальник Особого отдела НКВД СССР В. М. Бочков. 9 сентября нарком госбезопасности УССР И. А. Серов докладывал Берии: «Количество оперативников и политработников выделено полностью... Связь с тов. Хрущевым и тов. Тимошенко регулярная»³².

Известие о том, что Варшава все еще держится, побудило отсрочить дату перехода частями Красной Армии советско-польской границы. 10 сентября Молотов при встрече с Шуленбургом сказал, что быстрые успехи вермахта в Польше застали врасплох советскую армию, которая еще не готова к действиям. Он указал, что правительство СССР намеревается заявить, что в результате наступления германских войск Польша перестала существовать и поэтому Советский Союз должен придти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. «Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором», — заметил нарком³³.

14 сентября Молотов сообщил Шуленбургу, что «Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного срока. Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защита русских «меньшинств»), было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши — Варшава»³⁴. На следующий день Риббентроп ответил, что падение Варшавы — вопрос нескольких дней. Он поручил своему послу передать Молотову: «Если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум, ... создав условия для формирования новых государств»³⁵. Соответствующие переговоры велись германскими службами в Галиции и с деятелями УПА, с тем, видимо, чтобы подтолкнуть СССР к решительным действиям.

С 11 сентября в советских газетах началась антипольская кампания. 16 сентября политбюро рассмотрело вопрос о работе политуправлений Киевского и Белорусского особых округов. В решении предписывалось полное прекращение в средствах массовой информации и пропагандистских выступлениях критики Германии, а также выдвигание антифашистских лозунгов и идей. Для оправдания вторжения на территорию Польши следовало декларировать необходимость оказания помощи украинцам и белорусам, «страдающим многие годы под игом польской буржуазии и помещиков и теперь рискующим подпасть под господство Германии». Этот аргумент подходил как для внутреннего пользования, так и в международном плане. Полпредам рекомендовалось опровергать слухи, что Москва и Берлин собираются поделить между собой весь мир, а расчленение Польши — это лишь первый шаг. Соглашение с Германией имело две цели: не совместную агрессию, а ее ограничение³⁶.

Немецкая же сторона настаивала на опубликовании после ввода советских войск в Польшу советско-германского коммюнике совершенно иного содержания. Проект этого документа был направлен Риббентропом Шуленбургу для вручения его Молотову 15 сентября и имел якобы своей целью «политическую поддержку выступления советской армии». Отвергая советский тезис о необходимости защиты украинского и белорусского народов от Германии, министр предлагал так определить цели СССР и Германии в Польше: «Ввиду очевидного раскола среди национальностей, проживающих на территории бывшего польского государства, Правительство Рейха и Правительство СССР считают необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на этих территориях. Они считают своей общей задачей восстановить мир и порядок в их естественных сферах влияния и достичь этого нового порядка созданием естественных границ и жизнеспособных экономических организаций»³⁷. Фактически этот текст ставил знак равенства между действиями Германии и СССР и как таковой был неприемлем для Москвы. На следующий день Молотов сообщил Шуленбургу, что советская сторона вообще сомневается в необходимости коммюнике. Наилучшим же объяснением своих действий советская сторона считала аргументы о фактическом прекращении существования Польского государства и необходимости защитить украинских и белорусских братьев. Понимая озабоченность Берлина, Молотов согласился убрать из планируемого документа место, особенно чувствительное для рейха, — то есть «защиты от немецкой угрозы»³⁸. Обсуждение текста коммюнике продолжилось и после перехода советскими войсками границы с Польшей.

Передислокация многих частей Красной Армии к советско-польской границе не осталась незамечен-

ной в мире. 11 сентября Ж. Пайяр пытался выяснить у Потемкина, что означает производимая в СССР «частичная мобилизация»³⁹. 13 сентября в ходе пресс-конференции в геббельсовском министерстве пропаганды американская корреспондентка Зигфрид Шульц, ссылаясь на концентрацию советских войск на польской границе, задала вопрос, не будут ли русские наступать. Ответа она не получила. В тот же день шведский посланник В. Винтер при встрече с зам. наркома иностранных дел С. А. Лозовским спросил: «Каков смысл принятых СССР мобилизационных мероприятий? В Швеции эти мероприятия вызвали известное возбуждение». Он добавил, что в дипломатическом корпусе очень много разговоров о том, каковы цели этой мобилизации, одни мол говорят, что она направлена против Польши, другие — против Германии, третьи — что это меры предосторожности. О том, что французское правительство считает возможным оккупацию части Польши Советским Союзом, сообщал 14 сентября советский полпред во Франции Я. З. Суриц. В этом случае, по заявлению А. Леже, «гарантия, данная Польше, будет, естественно, и против СССР», — уточнял полпред. Особое возмущение у мировой, и в частности у французской, общественности вызвало опубликование в «Правде» от 14 сентября статьи «О внутренних причинах военного поражения Польши»⁴⁰.

Тяжелое положение Речи Посполитой, правда, не слишком огорчило литовских политиков. Посланник в Германии К. Шкирпа, ссылаясь на затруднения в торговле с СССР из-за необходимости направлять все грузопотоки через Латвию, в разговоре с советским полпредом заметил: «Литве необходимо воспользоваться случаем и присоединить к себе Виленскую область и таким образом установить общую границу с СССР»⁴¹. Ранее итальянский посол в Берлине Б. Агголико также спрашивал А. А. Шкварцева, получит ли Литва Вильно и останется ли СССР безучастным при разделе Польши⁴². Естественно, полпред уклонился от ответа. Вопрос о судьбе Вильно поднял и Молотов в ходе беседы с Ф. Шуленбургом 16 сентября. Нарком просил сообщить мнение германской стороны о судьбе Вильно и о том, кто должен занять этот город⁴³.

Весьма были обеспокоены создавшимся положением и эстонские дипломаты. 14 сентября эстонский посланник в Берлине К. Тофер, весьма неместно отозвавшийся о руководителях Польши, процитировал затем несколько фраз из белой книги, изданной Министерством иностранных дел, в которых говорилось о привлечении СССР к разделу Польши. Шкварцев поспешил заверить своего собеседника: «Никаких документов или соглашений на этот счет мне не известно»⁴⁴.

Между тем, военная подготовка предстоящего похода шла полным ходом. 14 сентября Ворошилов и Шапошников направили директивы Белорусскому и Украинскому фронтам начать наступление совет-

ских войск в 05:00 17 сентября⁴⁵. Таким образом, приказы о переходе частей двух фронтов в наступление против Войска Польского были отданы тогда, когда и правительство, и верховное командование Речи Посполитой находились в стране и продолжали принимать интенсивные меры к организации обороны.

На Белорусском фронте (командующий — командарм II ранга М. П. Ковалев, члены военного совета — первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко и корпусной комиссар И. З. Сусайков, начальник штаба фронта — комкор М. А. Пуркаев) должны были действовать четыре армейские (Полоцкая, Минская, Дзержинская, Бобруйская) и одна конно-механизированная группы. Их развертывание началось 5 сентября и завершилось, кроме Дзержинской, к 16 сентября.

Боевой приказ № 01 Белорусского фронта был отдан в ночь на 15 сентября. В нем определялась «ближайшая задача фронта — уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее Литовской границы и линии Гродно — Кобрин»⁴⁶ (курсив мой. — Н. Л.). Этими целями мыслилось достигнуть путем нанесения польской армии сильного удара центром фронта в общем направлении на Гродно — Волковыск. Планировалось с выходом правой группировки полностью отрезать «виленский коридор» от центральных районов Польши.

Конкретные оперативные задания получили и армейские группы БОВО. Им было приказано, не ожидая окончания сосредоточения всех приданных им частей, в 05:00 17 сентября перейти границу. При этом Полоцкая группа должна была к исходу 18 сентября овладеть районом Свенцяны — Михалишки и далее двигаться на Вильно; Минская — прорвав фронт, к этому же сроку выйти в район Ошмяны — Ивье, с тем чтобы в дальнейшем часть ее соединить оказала помощь Полоцкой группе в овладении Вильно, а остальными силами наступать на Гродно.

Дзержинской группе надлежало продолжать сосредоточение на границе, в то время как конно-механизированная подвижная группа (КМГ) «обязывалась мощным ударом по войскам противника разгромить их, наступая в направлении на Новогрудок, Волковыск, и к исходу 18 сентября выйти на р. Молчадь на участке от ее устья до м. Молчадь, в дальнейшем двигаться на Барановичи, нанести удар на Волковыск»⁴⁷.

Бобруйской группе к исходу 17 сентября следовало выйти на подступы к Барановичам. 23-й стрелковый корпус и Днепровская флотилия обеспечивали стык с Украинским фронтом и в течение двух дней должны были овладеть Лунином.

Фронтной авиации поручалось содействовать наступлению главных сил Полоцкой и Бобруйской групп и Дзержинской КМГ, «вскрыть группировку наземных войск и авиации противника по линии Свенцяны — Вильно — Гродно — Брест-Литовск и уничтожить их; воспретить подход резервов про-

тивника по железной дороге и грунтовыми путями с линий Свенцяны — Вильно — Гродно — Брест-Литовск; не допустить отход противника за линию Поставы — Лида — Слоним — Пинск»⁴⁸.

В составе Украинского фронта, которым командовал командарм I ранга С. К. Тимошенко (начштаба — комдив Н. Ф. Вагутин, член военного совета — корпусной комиссар В. Н. Борисов и первый секретарь ЦК КП(б)У Н. С. Хрущев), действовали три армейские группы. Правое крыло фронта составляла Шепетовская (Северная) группа (командующий — комдив И. Г. Советников). Она была развернута на фронте в 250 км на Ровно — Владимир-Волыньском направлении, правым флангом — на Ковельском. Уже 14 сентября закончилось сосредоточение двух ее корпусов в отведенных им районах. 16 сентября группа была полностью готова занять исходное положение. «Политико-моральное состояние войск хорошее», — докладывал начальству начштаба Савинов⁴⁹. В соответствии с приказом командования фронтом группа должна была к исходу 17 сентября занять Ровно, Дубно, 18 сентября — район Луцка и затем наступать на Владимир-Волынский. В боевом приказе № 01 штаба Шепетовской группы от 16 сентября говорилось: «Приказом Военного Совета КОВО войскам Шепетовской армейской группы поставлена задача — нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, решительно и быстро наступая в направлении Ровно». Установив задание для каждого из корпусов, Советников далее предписывал: «Действия корпусов и танковой бригады должны быть быстры и решительны»⁵⁰. Именно эта армия впоследствии взяла в плен наибольшее количество польских военнослужащих — 190,5 тыс. человек.

В центре Украинского фронта, на участке около 90 км разместились Волочискская (впоследствии Восточная) группа (командующий — комкор Ф. И. Голиков). Перед ней ставилась задача нанести 17 сентября мощный удар по польским войскам в районе Тарнополя (ныне г. Тернополь), выйти на следующий день в район Буска, Перемышлян, Бобрки с дальнейшей задачей овладеть Львовом. При этом предписывалось отрезать польским войскам пути отхода на запад⁵¹.

16 сентября по войскам Волочискской группы, равно как и по всем соединениям Украинского и Белорусского фронтов, был отдан приказ к исходу дня «произвести перегруппировку войск группы и скрытно подтянуть их на 3–5 км к нашим государственным границам в исходное положение», проверить боеготовность и материально-техническую обеспеченность частей. Управлению Украинского фронта было сообщено о готовности армии приступить «к выполнению боевой задачи»⁵².

Перед Каменец-Подольской (Южной) группой (командующий — командарм II ранга И. В. Тюленев), составлявшей левое крыло фронта и развернутой в радиусе около 70 км в направлении на Станиславов (ныне г. Станислав) и Дрогобыч, ставилась цель:

разгромить противостоявшие ей части противника и к исходу 17 сентября выйти на р. Стрыпа. К исходу следующего дня группе следовало овладеть районом Галича, Станиславова и далее наступать на Стрый и Дрогобыч. Левым флангом группа должна была отрезать противнику пути отступления в Румынию и Венгрию⁵³.

Таким образом, из документов следует, что был разработан детальный план военной кампании и отданы конкретные приказы о ведении наступательных боевых действий против соседнего государства, с которым СССР был связан договором о ненападении, другими международными актами. На деле перед войсками стояла задача не освобождения и защиты украинского и белорусского населения, для чего было достаточно просто отеснить из этих районов польские части в Румынию и Венгрию, а сокрушительного и полного разгрома польской армии, ликвидации государства, в котором сталинское руководство на протяжении многих лет видело потенциального противника.

16 сентября Молотов сообщил Шуленбургу, что советские операции начнутся сегодня или, в крайнем случае, завтра. Для их осуществления были сосредоточены 28 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад и 7 артиллерийских полков. В общей сложности в них насчитывалось более 466 тыс. человек, около 4-х тысяч танков, свыше 5,5 тыс. орудий и 2 тыс. самолетов⁵⁴. Эти соединения по своей мощи превосходили все Войско Польское.

Непосредственно же на границе войскам Украинского фронта могли противостоять лишь польские части Корпуса охраны пограничья (КОП). Довольно хорошо укрепленным рубежом был район Сарны, защищаемый сводным отрядом в 10 тыс. человек. В Ровно находились на переформировании остатки 7, 8 и 11-й польских дивизий. Местом сбора небоеспособных частей и создания на их базе новых соединений служили Ковель и Дубно. В районе Тарнополя концентрировалось шесть пехотных дивизий, потерявших в боях с вермахтом значительную часть своего состава. Львов защищала от наступающих германских частей группа генерала В. Лянгнера в 15 тыс. штыков и сабель. Всего же в восточных воеводствах к 15 сентября находилось около 340 тыс. польских солдат и офицеров, 540 орудий, более 70 танков⁵⁵.

В 02:00 17 сентября Сталин принял в Кремле Шуленбурга, сообщив ему, что Красная армия перейдет в 6 утра границу с Польшей. Он прочитал ему текст ноты советского правительства Польше и внес в нее коррективы с учетом пожеланий посла. В 3 часа ночи 17 сентября В. П. Потемкин вызвал к себе польского посла В. Гжибовского и попытался вручить ему откорректированную ноту. В ней говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не

проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР»⁵⁶.

Однако это заявление не соответствовало действительности. Капитуляция Варшавы была подписана 28 сентября, группировка «Полесье» держалась до 5 октября. Польский президент, правительство и главное командование находились в это время в стране и даже пытались осуществить перегруппировку войск.

Как следует из обзора, составленного в штабе КОВО, на восточный берег Вислы и Сана отводились польские армии, которые действовали на западе; в район Брест-Литовска — те части, что были на северо-востоке с задачей обеспечить связь с Румынией; перед армией генерала Т. Кутшебы, находившейся в окружении, ставилась задача прорваться на юго-восток. Для того чтобы обезопасить армию от возможного окружения, командованию 9-го корпуса поручалось создать заградительную линию Пинск — Брест-Литовск. Одновременно в Ровно, Ковель, Луцк и Дубно были посланы высшие армейские чины с заданием сформировать новые части. «Но переход войсками Украинского фронта границы сорвал эти намерения», — констатируется в обзоре⁵⁷.

Введя на рассвете 17 сентября без объявления войны части Красной Армии на территорию Польши, санкционируя боевые действия против ее армии, сталинское руководство тем самым нарушило: договор о мире с этой страной, подписанный 18 марта 1921 г. в Риге; протокол от 9 февраля 1929 г. о досрочном введении в силу пакта Бриана — Келлога, запрещающего использование войны как инструмента национальной политики; конвенцию об определении агрессии 1933 г.; договор о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г. и протокол, продлевавший действие этого договора до 1945 г.; совместное коммюнике, опубликованное польским и советским правительствами в Москве 26 ноября 1938 г., в котором вновь подтверждалось, что основой мирных отношений между двумя странами является договор о ненападении 1932 г. Тем самым правящие круги СССР начали не только агрессивную войну, но войну в нарушение договоров и международных соглашений.

В ноте, врученной 17 сентября представителям 24 государств, подчеркивалось, что в отношениях с ними СССР будет проводить политику нейтралитета. В этот же день Молотов обратился по радио «к гражданам и гражданкам Советского Союза». Повторив вновь тезис о «несостоятельности» польского государства, он внес и новые аргументы: местопребывание де польского правительства не-

известно, прежние договоры утратили силу, в силу этого СССР решил подать «руку помощи своим братьям» — украинцам и белорусам, живущим на польских территориях. Свою специфику имела пропаганда в РККА. Выполняя указания начальника ее Политического управления Л. З. Мехлиса, армейские политработники делали акцент на «революционной, наступательной войне», цель которой — избавление от капиталистического гнета братских народов — украинцев и белорусов, которые длительное время находились «в ярме польских панов»⁵⁸.

19 сентября В. Гжибовский обратился к В. П. Потемкину с просьбой выдать всем сотрудникам дипломатической миссии и консульств одну общую визу для выезда из СССР и передать под опеку какого-либо нейтрального государства здания посольства и консульств. Однако ему было отказано в этом и заявлено, что польский посол может рассматриваться как частное лицо. «После распада польского государства и исчезновения его правительства в СССР больше нет ни польского посольства, ни польских консульств. Поэтому и содействие... может быть оказано ему и его бывшим сотрудникам лишь в частном порядке», — указал зам. наркома⁵⁹.

Вторжение советских войск на территорию сопредельного государства вызвало шок на Западе. Оно обсуждалось в парламентах, на заседаниях правительств, в дипломатических ведомствах; многочисленные публикации появились в европейской и американской прессе. Советский Союз обвиняли в интервенции, агрессии, связывая его акцию с общим характером и сущностью советского режима, с имперскими традициями и амбициями. Глава французского правительства Э. Даладье вызвал к себе полпреда СССР Я. З. Сурица и заявил ему, что «положение очень серьезно» и что в «поразивших всех» действиях СССР он усматривает кричащее противоречие с «ранее объявленным нейтралитетом». По его выражению, «для французского правительства решающим являлся вопрос: имеет ли оно перед собой единый германо-советский фронт, общую акцию или нет?»⁶⁰. После опубликования советско-германского коммюнике последние сомнения рассеялись. Вместе с тем, правящие круги Великобритании и Франции отвергли все попытки побудить их к разрыву отношений с Москвой и ограничились нотами протеста. Они опасались, как бы СССР не стал поддерживать действия Германии на западе, не снабжал Третий рейх жизненно необходимыми ему в условиях блокады сырьем, продовольствием и горючим. Отсюда боязнь раздражать советскую сторону и тем самым «бросать СССР в объятия Германии». Чтобы спасти лицо, Париж и Лондон ссылались на то, что границей, установленной союзниками, была всегда «линия Керзона», границы же, установленные Рижским договором, только много лет спустя были зарегистрированы конференцией послов и то лишь под «ответственность сигнаторов»⁶¹.

Были, правда, и отдельные заявления, которые свидетельствовали о «понимании» линии Москвы. Так, бывший президент Чехословакии Э. Бенеш в беседе с И. М. Майским «полностью одобрил вступление Красной Армии в Польшу». С удовлетворением и без всякого беспокойства, по данным полпреда Сергеева в Афинах, были встречены советские действия в Польше в греческих правительственных кругах. Схожей позиции придерживалось и югославское руководство. Афганский же посланник в Германии Аллах Наваза заявил, что «Германия и СССР, по его мнению, должны сейчас изменить положение в Европе»⁶².

В сложной ситуации из-за инцидента с польской подводной лодкой оказалась Эстония. 19 сентября В. М. Молотов заявил ее посланнику А. Рею, что Эстония всегда проявляла симпатии к Польше. На следующий день А. Рей, выполняя инструкции своего руководства, в беседе с В. П. Потемкиным сказал, что его страна не может себе позволить роскошь романтических симпатий, она должна трезво учитывать реальную обстановку. «Сейчас же обстановка эта такова, что Польша уже не существует, армия ее разгромлена, а правительство находится неизвестно где. В таких условиях эстонскому правительству приходится думать лишь о том, чтобы оградить безопасность и независимость собственной страны и не допускать ничего такого, что могло бы нарушить и осложнить добрососедские отношения Эстонии с Советским Союзом», — пояснил он⁶³.

В связи с переходом вечером 17 сентября польского правительства и генштаба на румынскую территорию, а также отходом в последующие дни туда части польских соединений, в беседе с В. М. Молотовым пришлось «оправдываться» и румынскому посланнику Н. Диану⁶⁴.

Для польского правительства и верховного военного командования вступление на их территорию подразделений РККА явилось полной неожиданностью. Полагая, что советские войска вводятся для того, чтобы не дать вермахту оккупировать значительную часть территории их страны, и, исходя из того, что война на два фронта для них невозможна, руководство армии и страны решило сражаться только против гитлеровцев. Армия, как правило, выполняла приказ своего главнокомандующего Э. Рыдз-Смиглы, гласивший: «С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию»⁶⁵. Польский посол во Франции Ю. Лукаевич прозондировал намерение польского правительства объявить «состояние войны» с СССР. Однако ему было указано, что «это поставило бы в исключительно трудное положение Париж и Лон-

дон, которые хотят избежать осложнений и не смогут последовать за польским правительством»⁶⁶.

17 сентября, выступая по радио, Молотов подчеркнул, что польское государство обанкротилось и фактически перестало существовать. На следующий день было подписано советско-германское коммунике, составленное Сталиным, в котором прямо говорилось об общей задаче СССР и Германии в войне против Польши. Указывалось, что она «состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»⁶⁷. Однако это «переустройство» понималось весьма своеобразно — Польша ликвидировалась как государство.

18 сентября Сталин в разговоре с Шуленбургом заметил, что «у советской стороны есть определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться московских соглашений в соответствующее время и вернется ли на линию, которая была определена в Москве» Посол поспешил заверить советского лидера, что «Германия, конечно же, твердо намерена выполнять условия московских соглашений»⁶⁸.

Как свидетельствовал военный атташе Германии в Москве Е. Кёстринг, реальным и протекавшим безукоризненно на всех уровнях было и военное сотрудничество между СССР и Германией⁶⁹, в первую очередь во время боевых действий советских и германских частей в Польше с 17 сентября по 5 октября 1939 г.

17 сентября в 05:00 войска Украинского и Белорусского фронтов перешли границу и стали почти беспрепятственно продвигаться на запад, делая по 50–70 км в день. При этом Полоцкая группа, разгромив отряды КОП, к вечеру следующего дня заняла Свенцяны и вышла в район Поставы. Минская группа, также не встретив сопротивления, овладела к 15.00 Молодечно, к исходу следующего дня — укрепленным районом по линии Ошмяны — Курмеляны — Гольяны⁷⁰. Дзержинская КМГ взяла без боя Барановичский укрепрайон. В тот же день был занят Новогрудок. К вечеру 18 сентября она вышла на железнодорожную линию Вильно — Барановичи. Бобруйская группа 17 сентября в 17:00 достигла Барановичей, на следующий день вышла в район юго-западнее города Слоним⁷¹.

В ночь с 17 на 18 сентября войска Белорусского фронта начали Виленскую операцию. Охватив Вильно с севера частями Полоцкой группы и с юга — Минской, 18 сентября в 11:30 танковые части ворвались в город. В плен было взято 10 тыс. польских военнослужащих. К утру 19 сентября войска фронта вышли на линию литовской границы Вильно — Лида — Волковыск — Ружаны — Ивацевичи. После этого командование приостановило движение двух правофланговых армейских групп, приказав выставить стрелковые заставы на литовской и латвийской границах.

Для установления связи с германскими войсками на линию Сопецкин — Белосток выдвигались передовые части. Бобруйской группе было приказано овладеть Кобрином и установить связь с германскими соединениями. С вечера 19 сентября войска Белорусского фронта приступили к выполнению этой директивы. 22 сентября в ходе массированных атак они овладели Гродно. Его защитники оказали упорное сопротивление, отбив несколько танковых атак, ведя ружейно-пулеметный огонь с чердаков домов, бросая бутылки с зажигательной смесью в танки⁷².

21–22 сентября войска вошли в соприкосновение с германской армией, и, в соответствии с соглашением между представителями СССР и Германии об установлении согласованной линии, части вермахта начали отход на запад, а РККА, держа дистанцию в 25 км, стала выдвигаться на демаркационную линию. К 30 сентября войска Белорусского фронта полностью выполнили поставленную перед ними задачу⁷³.

Войска Украинского фронта перешли границу в 05:00 17 сентября и, не встречая серьезного сопротивления, стали быстро продвигаться вперед. Наиболее широким — в 230 км — фронтом наступала Шепетовская (Северная) группа. К исходу дня они форсировали р. Горынь и 18 сентября заняли Ровно⁷⁴.

Восточная армейская группа (ВАГ) в 05:00 форсировала р. Збруч и перешла «в решительное наступление по всему фронту». В боевом приказе ВАГ № 002 констатировалось: «Противник, не оказывая серьезного сопротивления, в течение 17.9.39 отходил в западном направлении, оставив Тарнополь»⁷⁵. 18 сентября был занят Золочев.

Южная группа (будущая 12-я армия), форсировав р. Збруч и р. Серет, к концу дня овладела г. Чортковом, вышла на р. Стрыпа. Левый фланг группы продвинулся до р. Днестр⁷⁶.

В итоге первого дня операции войска Украинского фронта углубились на 70–100 км, овладев Ровно, Коломыей, Тарнополем, Чортковом. На следующий день, по сводке Генштаба РККА, они заняли железнодорожный узел Сарны, г. Луцк, Станиславов, Галич, Красне, Бучач. 19 сентября советские части вошли в Сокаль, Броды, Бобрку, Рогатин, Долину, вышли на окраины Львова. Командующий фронтом направил Сталину, Молотову, Ворошилову, Шапошникову боевое донесение: «В 24.00 19 сентября 36-я танковая бригада заняла Владимир-Волынский. Взято в плен 6 тыс. пленных и много трофеев». В соответствии со сводкой Генштаба РККА, с 17 по 21 сентября в плен было захвачено 120 тыс. человек⁷⁷.

Через два часа после перехода Красной Армией польской границы немецкие войска получили приказ «остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волынский — Белосток», о чем немедленно было сообщено в Москву. А уже на следующий день командование Украинского фронта передало штабам Северной, Восточной и Южной армейских

групп: «1. Главное командование германских войск приказало своим войскам в случае приближения советских самолетов показывать следующие знаки: а) выкладывать белые полотнища, по возможности в виде свастики; б) пускать зеленые и красные ракеты вперемежку. 2. К исходу дня 17.9.39 германские войска занимали следующую линию: а) 18-й корпус правым флангом юго-восточнее г. Самбор, большими частями на запад от Львова. Львов окружен войсками; б) 17-й корпус правым флангом восточнее Яворова, левый фланг — Вишинька; в) 20-й корпус по дороге Томашов — Любичев — Рава-Русская, часть в Комарно; г) 7-й корпус — Янов; д) 4-й корпус — Гельчев (30 км юго-восточнее Люблина); е) 19-й корпус — Словатице (40 км южнее Брест-Литовска), большими частями в самом Бресте; 21-й корпус — Забудов, Белосток. 3. При сближении советских войск с германскими германское командование просит наши части не наступать ночью во избежание всевозможных случайностей. 4. Главное командование германских войск выпустило воззвание, в котором говорится (суть воззвания, не дословно): „Армия Советского Союза перешла западную границу. Скоро нужно ожидать встречи частей обеих стран на остановившейся линии. При встрече частей обеих сторон от каждого батальона германских войск выделяется один офицер и объявляет — германская армия приветствует армию Советского Союза. Как офицеры, так и солдаты германской армии желают быть в хороших отношениях с вами. От Красной Армии также ожидают в дальнейшем таких же отношений...“ Начальник штаба КОВО комдив Ватутин»⁷⁸.

Сближение позиций двух армий побудило ускорить переговоры об установлении демаркационной линии, для чего в Москву 19 сентября прибыла военная делегация из Берлина. С советской стороны в них приняли участие Ворошилов и Шапошников.

Следует заметить, что в Москве были встревожены сведениями, полученными из Берлина. Там начальник оперативного штаба вермахта генерал Варлимонт показал советскому военному атташе карту, на которой будущая граница проходила вдоль Вислы через Варшаву, но далее отличалась от секретного протокола и оставляла Львов на германской стороне. Молотов заявил решительный протест Шуленбургу. По поручению Сталина он еще раз обратился к германскому послу с предложением провести в Москве переговоры о судьбе Польского государства и об окончательной демаркации советско-германской границы по линии Писса — Нарев — Висла — Сан. Через несколько часов нарком уточнил, что и он, и Сталин не могут согласиться с демаркационной линией, проходящей по городам Перемышль — Турка — Изотк — Пасс-Ужокский перевал. Молотов заявил Шуленбургу, что советское правительство настаивает на линии по верховьям р. Сан, поскольку это украинская территория, но оно «готово уступить Сувалки и окрестности железной

дороги, но не Августов». В результате германское руководство согласилось с требованиями Москвы.⁷⁹

20 сентября была установлена линия по р. Писса, Нарев, Висла, железной дороге вдоль р. Сан, а на следующий день подписан протокол, зафиксировавший порядок и временные параметры отхода немецких войск на запад до установленной демаркационной линии, который должен был завершиться к 4 октября⁸⁰.

К 20 сентября в соответствии со сводкой Генштаба части РККА занимали рубеж Ковель — Владимир-Волынский — Сокаль — предместья Львова. Характерно, что германским войскам, в течение десяти дней окружавшим Львов, не удалось заставить город капитулировать даже под угрозой его разрушения артиллерией и бомбежками с воздуха. В боях за Львов в ряде случаев немецкие и советские части обстреливали друг друга. Ситуацию пытался урегулировать Кёстринг, который в 00:30 20 сентября сообщил советскому командованию по телефону: «1. Восточнее Львова советские танки столкнулись с немецкими войсками. Есть жертвы. Идет спор о том, кто должен занять Львов. Наши войска не могут отходить, пока не уничтожены польские войска. 2. Германское командование просит: а) Принять меры к урегулированию этого вопроса путем посылки туда делегата; б) Иметь на танках какие-то отличительные знаки; в) С осторожностью подходить к демаркационной линии». Через час Кёстринг от имени германского командования просил отменить наступление советских танковых войск на город; в 11:20 — предложил взять Львов совместным штурмом частей вермахта и РККА, а затем передать его советской стороне⁸¹.

Однако Москва была непреклонна, и в соответствии с достигнутым соглашением германские части начали отходить на запад. Их место занимала Восточная армейская группа, получившая приказ овладеть городом к исходу 19 сентября. В районе м. Красное наступавшие части встретились с сильным сопротивлением со стороны польских войск генерала В. Орлик-Рюкемана. В результате к вечеру советские соединения смогли лишь выйти к окраинам Львова, но не овладеть им. По сведениям, полученным разведкой, в городе находились две-три польские пехотные дивизии и много офицеров, стекавшихся туда при отступлении с различных участков фронта. На помощь гарнизону Львова прорывалась группировка генерала К. Соснковского. Чтобы помочь ей, из города навстречу была направлена часть сил. Однако подход к Львову крупной группировки советских войск лишил защитников города последней надежды. К тому же 20 сентября стало известно, что немцы разбили дивизии Соснковского. Отходившие польские части в районе Лашки Муроване наткнулись на красноармейские соединения. Последние завершили начатое немцами дело, взяв в плен большое количество польских военнослужащих. Сам генерал с частью войск ушел в Венгрию. 21 сентября по войскам ВАГ был отдан боевой приказ № 004:

«Противник удерживает последний опорный пункт на своей территории — г. Львов. Обороной города руководит фашистская организация. Принцип обороны — круговой, с уличными баррикадами и частично минированными проездами... Восточная группа войск в 09:00 22.9.39 атакует противника с задачей сломить его сопротивление, принудить сложить оружие и сдаться»⁸². Ставилась задача не только занять город, но и отрезать польским частям пути отступления на запад. Артиллерии предписывалось до наступления произвести десятиминутную огневую подготовку и подавить очаги сопротивления. Однако приказ выполнить не довелось. Тимошенко и Хрущев сообщили Сталину, Молотову, Ворошилову и Шапошникову: «В результате новых боев в городе в 08:40 22 сентября начальник гарнизона Львова генерал Лянгнер явился лично на командный пункт командующего Восточной группой т. Голикова и сдал нам город Львов. Выделена комиссия по разработке техники передачи города. Ввожу отборные части для занятия объектов и охраны их и города. На окраинах города оставляю дежурные части и остальные привожу в порядок для дальнейших действий. В городе Львова нет воды и хлеба. Принял меры к полному удовлетворению населения питанием»⁸³.

В соответствии с условиями сдачи города польскому гарнизону была гарантирована и обещана возможность уйти в Румынию или Венгрию. Однако обещания не были выполнены. Большинство офицеров — свыше 2 тыс. человек — вскоре оказались в лагере для военнопленных в Старобельске и в апреле — мае 1940 г. вместе с другими его обитателями были расстреляны по решению Политбюро от 5 марта 1940 г.

Не допускался переход границы и в других операциях. 19 сентября Тимошенко приказал командующему погранвойсками КОВО комдиву В. В. Осокину: «Немедленно закрыть госграницу на указанном участке [по р. Збруч и к западу. — *Н. Л.*]. Не допустить ни в коем случае ухода польских солдат и офицеров из Польши в Румынию. Командующему Южной группой командарму т. Тюленеву выделить в распоряжение тов. Осокина части..., способные обеспечить границу занятой территории с Румынией»⁸⁴. Ворошилов потребовал от командования КОВО разъяснений, почему не прикрыт участок границы близ г. Коломыя (Кутно), через который польские части переходят в Румынию. Заместитель наркома обороны Г. И. Кулик в докладе Сталину, Молотову и Ворошилову также рекомендовал срочно направить в район действия Южной группы дополнительную сильную оперативную группу НКВД. Он полагал, что действия «разрозненных банд» в районе румынской и венгерской границ могут перерасти в партизанские действия, если не очистить эти территории. Беспокоила Кулика и проблема создания администрации в занятых областях. «В связи с быстрыми темпами нашего продвижения местность оказалась неосво-

енной, польская армия, бросив оружие, расползлась по селам», — сообщал замнаркома⁸⁵.

Ввиду сближения немецких и советских войск потребовалась большая координация действий вермахта и РККА. В этих целях в Москве 20–21 сентября прошли переговоры, в которых с советской стороны приняли участие К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников, с германской — военный атташе Э. Кёстринг, его заместитель Х. Кребс и военно-воздушный атташе Г. Ашенбреннер. В итоге переговоров вермахт взял на себя обязательство воспрепятствовать «возможным провокациям и акциям саботажа со стороны польских банд и тому подобных» в передаваемых Красной армии городах и деревнях; командование же Красной армии обязывалось в случае необходимости выделять «силы для уничтожения частей польских войск или банд» на направлении отвода германских войск в оккупируемую ими зону⁸⁶.

20 сентября нарком обороны приказал командующим Северной, Восточной и Южной армейскими группами остановиться на зафиксированной к 20:00 этого дня линии с тем, чтобы вновь начать движение вперед с утра 23 сентября⁸⁷.

22 сентября комбриг А. М. Василевский лично передал по прямому проводу, а Ватутин принял следующую директиву наркома обороны: «Первое. Части германской армии по договоренности с нами, начиная с 22 сентября, отводятся на разграничительную линию между германскими войсками и Красной Армией, а именно западный берег реки Писса до ее устья, западный берег реки Нарев до ее устья, западный берег реки Буг до ее устья, западный берег реки Висла до устья реки Сан, западный берег реки Сан до ее истоков...

Второе. Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т. п. германское командование принимает необходимые меры в городах и местечках, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности и обращает особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные оборонительные и хозяйственные сооружения... были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной Армии.

Третье. Приказываю войскам Белорусского и Киевского Особых военных округов с рассветом 23 сентября начать движение к указанной разграничительной линии, руководствуясь следующим:

- а) движение войск организовать с таким расчетом, чтобы имела дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн германских частей в среднем до 25 км с тем, чтобы выйти к вечеру 29 сентября на восточный берег реки Писса и к вечеру 1 октября — на восточный берег реки Нарев...
- б) для разрешения вопросов, могущих возникнуть при совершении передвижения войск и при передаче германскими частями и приеме частями Красной Армии районов, пунктов, городов и т. п., выделить на каждой основной магистрали движения наших войск специальных делегатов в составе представи-

теля штаба дивизии или политотдела, дивизии или танковой бригады, которым связаться с делегатами отводимых германских частей и выяснять и регулировать все возникающие вопросы. Этим делегатов персонально назначить Военным советом армии, проинструктировать и фамилии их сообщить Военному совету округа и мне.

Четвертое. *При обращении германских представителей к командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, командование Красной Армии, начальники колонн, в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на их пути движения...*⁸⁸ (курсив мой. — Н. Л.).

Таким образом, приказ наркома предусматривал не только координацию действий армий двух государств, но и оказание частями РККА боевого содействия вермахту в его борьбе с польскими вооруженными силами.

Выполнению приказа уделялось большое внимание, тем не менее, отдельных инцидентов избежать не удалось. 20 сентября восточнее Львова немецкая артиллерия подбила несколько двигавшихся в колонне советских танков. 23 сентября части 10-й танковой дивизии генерала Шаала по ошибке вели бои с советской кавалерийской частью. С другой стороны, советские войска обстреляли немецких солдат при их отходе от Львова, в связи с чем германское командование предъявило свои претензии. Начальник Генштаба Б. М. Шапошников немедленно потребовал от командующих БОВО и КОВО уточнить, доведена ли директива Ворошилова до войск. На место происшествия выехали Кёстринг и Ватутин⁸⁹. 24 сентября германский военный атташе сообщил в отдел внешних сношений НКО: «Командир 28-го стрелкового корпуса генерал Бейер встретился лично с комкором Ивановым (комендантом Львова. — Н. Л.) от стрелкового корпуса частей Красной Армии, находящихся подо Львовом. Теснейшая связь между обоими командующими, так же, как между командирами частей, которые сговорились во всех подробностях в товарищеском духе, восстановлена»⁹⁰. Аналогичное донесение направил и Ватутин.

Начальник штаба Савинов и военком Детухин сообщили Ватутину, что их представители Шипов и Демьянов ночью согласовали с германским командованием рубежи движения и для предотвращения новых инцидентов оставили у них офицера связи. «Немцы предлагают войти с ними в связь по радио, для чего прислали позывные и волны. Вообще их поведение вежливо-назойливое»⁹¹, — писали начштаба и военком ВАГ. Но «вежливо-назойливое поведение» германского командования не препятствовало ему обманывать своего новоиспеченного союзника. Из Стрыя они вывезли все, что могли, даже мебель. Надеясь отправить из Дрогобыча в Германию как можно

больше нефти, задерживали передачу этого района РККА. Командующий Южной группой вынужден был направить протест против нарушения плана отвода войск. Указывалось, что 24 сентября по графику германская сторона должна оставить Дрогобыч, Борислав и Самбор. Считаясь с просьбой германского командования, Тюленев согласился отодвинуть передачу г. Самбора с 24 на 25 сентября, но настаивал на немедленном отводе частей вермахта из Дрогобыча.

Правда, требовательный тон был скорее исключением, нежели правилом. Отклонив претензии Риббентропа на нефтеносный район Дрогобыча, Сталин в то же время обязался поставлять Германии по 300 тыс. т нефти ежегодно. Примечательны и такие факты: нарком обороны приказал военным советам Северной, Восточной и Южной групп, вступающим на Волынь и в Галицию, проявлять максимально доброжелательное отношение к колонистам немецкого происхождения. Запрещалось проводить у них реквизиции; фураж, продовольствие следовало закупать только за наличные деньги по ценам местного рынка⁹². 25 сентября командование КОВО передало приказ Ворошилова, касающийся благотворительной организации немецкого протестантского священника Цеклера, владевшей машиностроительным заводом, мастерскими и прочими коммерческими предприятиями. Предписывалось не чинить никаких препятствий ни в отношении ее собственности, ни в отношении Цеклера и членов его семьи⁹³. Аналогичная забота была проявлена и об итальянской концессии в Надворно (ныне г. Надворная). По отношению к украинским, белорусским, еврейским и, тем более, польским служителям культа и промышленникам такой предупредительности не проявлялось. Большинство из них вскоре оказались в тюрьмах или лагерях.

Однако заботой о колонистах, служителях культа, концессионерах дело не ограничивалось. 23 сентября во Львов прибыла делегация из четырех германских офицеров, сообщивших, что западнее г. Грубешова собираются крупные силы поляков (до 3-х пехотных, 4-х кавалерийских дивизий, а также артиллерия). Было сказано, что германское командование собирается нанести удар во фланг танками в северном направлении по грубешовской группировке. «Одновременно предлагают, — указывал комдив Иванов в донесении командующему КОВО, — чтобы мы участвовали в совместном уничтожении данной группировки. Штаб немецких войск находится в Грудек-Ягельонский, куда просим выслать нашу делегацию». На документе Тимошенко написал: «Подобное для разговоров в большом штабе, но не для меня»⁹⁴. Видимо, в «большом штабе» идея германского командования о совместной операции нашла благожелательный отклик. Во всяком случае, 8-й стрелковый корпус был направлен в район Грубешова, где вступил в бой с польскими частями. Утром 24 сентября командарм ВАГ отдал командирам 2-го конного корпуса, 10-й танковой бригады и 99-го

стрелкового корпуса следующий приказ: «По данным немецкого командования, в районе Замостье, Томашов, Грубешов группируются крупные силы поляков. По данным Генштаба, 23.9 в районе Томашов поляки нанесли контрудар против немецких частей. 8-й с.к. Северной группы 23.9 к исходу дня между Грубешов и Сокаль вошел в соприкосновение с неустановленными силами противника. Приказываю: 1. 2 к.к. с 24-й т.б. к 16:00 24.9 занять район Туринка, Добросин, Жулкев, имея передовые отряды ст. Липник, Магерув, Вишинька, Велька. Вести разведку в направлениях на Кристинополь, Белз, Угнув. При обнаружении значительных сил противника перед фронтом 8 с.к. атаковать и пленить их. Не допускать также попыток противника прорваться из указанного района на Львов, Каменка»⁹⁵. Оперативная сводка за 24 сентября также отмечала, что 2-й конный корпус с 24-й бригадой после суточного отдыха был выдвинут в район Туринки, Добросина, Жулкева для оказания помощи 8-му стрелковому корпусу Северной группы, который в тот же день форсировал р. Буг и захватил Грубешов⁹⁶.

Учитывая относительно широкое признание «линии Керзона» международной общественностью как оправданной границы между Польшей и Россией, а также будучи заинтересованным в присоединении к СССР трех прибалтийских государств, Сталин 25 сентября в беседе с Шуленбургом выразил готовность передать Германии Люблинское и часть Варшавского воеводства в обмен на Литву. Об этом же он говорил с Риббентропом, прибывшим в Москву 27 сентября⁹⁷. Германия дала на это согласие. Попытки же Риббентропа добиться от СССР уступок в районе нефтяных месторождений в верхнем течении р. Сан и лесных массивов вблизи Августова и Белостока потерпели неудачу. Германии был лишь обещан выступ между Восточной Пруссией и Литвой с г. Сувалки и частью лесов в районе города Августов, но без самого города⁹⁸.

В подписанном 28 сентября в Москве Риббентропом и Молотовым Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией устанавливалась окончательная граница обоюдных государственных интересов на территории «бывшего польского государства», а государственное переустройство, осуществлявшееся к западу от установленной линии Германией и к востоку — Советским Союзом, рассматривалось «как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами». Таким образом, договор «узаконил» результат военных действий фашистского Рейха и сталинской Страны Советов против народа, первым решившегося не поддаваться нацистскому диктату и мужественно ему сопротивлявшегося, несмотря на огромный перевес сил противника. К договору прилагалось несколько секретных протоколов. Они предусматривали взаимный обмен населением на территориях, отошедших к Германии и к СССР, и гарантировали, что «обе

стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны»⁹⁹.

В советско-германском заявлении правительства двух стран объявляли, что, урегулировав «вопросы, возникшие в результате распада Польского государства», они тем самым «создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе». Декларировалось намерение добиваться окончания войны, в случае же безуспешности их усилий ответственность за ее продолжение возлагалась на Великобританию и Францию. При таком варианте развития событий стороны грозились «консультироваться друг с другом о необходимых мерах»¹⁰⁰.

И все же отказ от присоединения к СССР областей центральной Польши был с облегчением воспринят на Западе. Там, по выражению посла Франции в Москве П. Наджиара, отдали должное «мудрости советского правительства, сумевшего найти неуязвимое разрешение вопроса о Западной Украине и Западной Белоруссии и воздержавшегося от присоединения территорий, заселенных преимущественно поляками»¹⁰¹.

Несмотря на то, что Сталин еще 25 сентября предложил Германии забрать себе Люблинское воеводство и правобережную часть Варшавского, части РККА продолжали продвижение в эти воеводства. Причем командование приказало не допускать отхода польских частей на север; в случае, если линия Любартов — Люблин не занята германскими войсками, ликвидировать находящиеся здесь соединения польской армии и «к исходу 29 сентября подвижными частями овладеть районами Любартов, Люблин»¹⁰². Однако 5 октября наступила очередь РККА отводить свои части на новую линию государственной границы.

Взаимодействие советских и германских войск сыграло роковую роль и в судьбе Новогрудской бригады, которой командовал генерал В. Андерс. В упорных боях с немцами она прорывалась к румынской границе, но 26 сентября была с тыла атакована частями РККА. Разделившись на мелкие группы, бригада продолжала прорываться к границе. Ее командующий, получивший несколько ранений, был захвачен в плен¹⁰³. Вплоть до 3 октября оказывала упорное сопротивление частям Красной Армии и группировка польских войск под командованием полковника Т. Зеленецкого. 5 октября, судя по сводке 14-й конной дивизии и донесению 36-й стрелковой дивизии, «группа полковника Зеленецкого окончательно ликвидирована»¹⁰⁴. Были взяты в плен более 11 тыс. поляков.

Как известно, при встречах германской и советской армий в ряде городов проводились совместные военные парады, которые в Гродно вместе с германским генералом принимал комкор В. И. Чуйков, в Бресте — Г. В. Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин. Проводился парад и в Пинске.

В целом же за 12 дней боевых действий на территории Польши Красная армия продвинулась на

250–350 км на запад, заняла территорию общей площадью в 190 тыс. кв. км (50,4% территории Польши) с населением около 13 млн человек.

Во время польской кампании с польской стороны погибли 3500 военных и гражданских лиц, около 20 000 были ранены или пропали без вести. Советская сторона официально объявила о 737 убитых и 1 862 раненых, однако, по некоторым данным, эти цифры занижены¹⁰⁵.

Вскоре после завершения советской кампании в Польшу, шведский посланник в Москве Винтерспросил С. А. Лозовского, может ли миссия обращаться к советскому правительству по вопросам польских граждан, поскольку его страна взяла на себя представлять интересы польского правительства. Зам. наркома ему ответил, «что польского государства не существует и НКВД не признает шведскую миссию представителем интересов несуществующего государства. Польские граждане из Западной Украины и Западной Белоруссии могут обращаться по интересующим их вопросам в советские консульства и посольства за границей»¹⁰⁶.

Итак, несмотря на то, что СССР не объявлял войны Польше, он вел ее в тесном взаимодействии с Германией. При этом нападение и военные действия были тщательно спланированы, подготовлены и осуществлены с использованием большого количества войск и боевой техники обеих стран. Огромная военная мощь РККА обрушилась на почти безоружных людей, на части, потрепанные в боях с немцами и к тому же по приказу своего главнокомандующего не оказывавшие сопротивления.

4 октября Ворошилов обратился к Сталину и Молотову с предложением о сокращении войск, находящихся на Белорусском и Украинском фронтах. Он указал, что на 25 сентября в РККА вместе с призванными на сборы было 4 471 000 чел., в том числе призванных по 7 западным округам 2 600 000 чел. В это время на Белорусском фронте были сосредоточены 4 армии, 8 стрелковых, 2 кавалерийских, 1 танковый корпус, 25 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 6 отдельных танковых бригад, 8 артиллерийских полков РГК, 7 истребительных полков, 5 полков СБ, 2 легкобомбардировочных, 2 штурмовых полка и 1 тяжелый авиационный полк. На Украинском фронте — 4 армии, 9 стрелковых, 3 кавалерийских, 1 танковый корпус, 31 стрелковая, 7 кавалерийских дивизий, 6 отдельных танковых бригад, 10 артиллерийских полков РГК, 9 истребительных полков, 4 полка СБ, 2 штурмовых, 2 легкобомбардировочных полка и 1 тяжелый авиационный полк. Всего предлагалось уволить в запас 1 380 000 человек. После увольнения в армии должны были остаться 3 091 000 чел. Пополнение ее 940 000 новобранцами доводило численность вооруженных сил СССР до 4 031 000 чел. Примечательно, что войска Ленинградского ВО и Калининского ВО оставались в развернутом виде и не сокращались¹⁰⁷.

По завершении «освободительного похода», 1 октября 1939 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло развернутое постановление о советизации захваченных территорий¹⁰⁸. В нем предусматривалось созвать 26 октября Украинское народное собрание из выборных по областям Западной Украины и Белорусское народное собрание — из выборных по областям Западной Белоруссии. Эти «народные» собрания должны были утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам, решить вопрос о характере власти — советской или буржуазной, проблему вхождения в состав СССР, принять постановление о национализации банков и крупной промышленности. Право выдвигать кандидатов в народные собрания закреплялось за крестьянскими комитетами, временными управлениями городов, собраниями рабочих по предприятиям, собраниями рабочей гвардии. Затем на окружных совещаниях «доверенные лица» должны были договариваться об общей кандидатуре по округу.

Избирательную кампанию следовало проводить под лозунгами установления советской власти на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вхождения их в УССР и БССР, одобрения конфискации помещичьих земель, требования национализации банков и крупной промышленности. По повестке дня должны были приниматься «Декларации», текст которых готовили ЦК КП(б) Украины и ЦК КП(б) Белоруссии. Политбюро предписывало приступить к созданию на этих территориях коммунистических организаций, для чего наряду с приемом в партию «передовых рабочих, оказавших помощь Красной Армии», из армии демобилизовались и направлялись в распоряжение украинской парторганизации 1000 коммунистов, белорусской парторганизации — 800 коммунистов. На работу в западные области мобилизовались 2000 украинских и 1500 белорусских коммунистов. До проведения выборов в этих областях должны были действовать временные управления из четырех человек — по два от армейских органов и по одному — от НКВД и от временного управления областного города. Временные областные управления назначали комиссаров во все банки, а во Львов и Белосток командировались также уполномоченные Госбанка СССР. Все счета практически замораживались. Иностранное консульства в западных областях Украины и Белоруссии ликвидировались. В дальнейшем в течение всего октября политбюро приняло не одно решение по организации выборов и другим вопросам, затронутым в этом постановлении. Оно выработало систему мер, которая в дальнейшем осуществлялась в период присоединения к СССР прибалтийских республик, Северной Буковины и Бессарабии.

Еще до окончания военных действий, 28 сентября, Л. Мехлис обратился к Сталину и Ворошилову с предложением предоставить право военным советам Белорусского и Украинского фронтов утверждать

приговоры трибуналов к высшей мере наказания по делам о контрреволюционных преступлениях гражданских лиц и военнослужащих бывшей польской армии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. В записке о порядке утверждения приговоров, адресованной Жданову, Мехлис уточнял: «Дел собралось много и надо бы скорее решать вопрос»¹⁰⁹. 3 октября политбюро приняло соответствующее решение.

12 декабря 1940 г. Берия в докладной записке, направленной Сталину и Молотову, подвел итог работы «по очищению от антисоветского и враждебного элемента», проделанной органами НКВД. За период с сентября 1939 по 1 декабря 1940 г. «было арестовано до 407 000 чел. (в том числе перебежчиков 39 411 чел.) и выслено в Казахстан и северные области СССР — 275. 784 чел., в том числе осадников 134 463, членов семей репрессированных — 59 787 и беженцев, желавших выехать на территорию Германии, но не принятых германским правительством, — 80 397 человек.»¹¹⁰. Нарком также сообщал о ликвидации в западных областях Украины 159 польских и украинских «националистических к.-р. организаций с общим количеством участников — 6 750 чел.» и 128 «бандитских групп численностью 876 человек»; в западной Белоруссии — 162 к.-р. организации (1068 чел.) и 26 бандгрупп (410 чел.). Семьи репрессированных — это родные 21 857 польских офицеров, полицейских, узников тюрем с присоединенных в сентябре 1939 г. к СССР территорий, которые были расстреляны по решению Политбюро от 5 марта 1940 г. в апреле-мае 1940 г.

Несмотря на разгром польской армии и оккупацию территории страны, польское государство не перестало существовать. 30 сентября в Париже начали работу президент Владислав Рачкевич и правительство во главе с Владиславом Сикорским. Их поддерживали и признавали Франция, Великобритания, США и многие другие государства.

Раздел Польской Республики в результате совместных агрессивных действий Германии и СССР предопределил на будущие времена большие сложности в отношениях между Россией и Польшей. Отныне ничто не отделяло Страну Советов от значительно окрепшего Третьего рейха, отношения же с Великобританией, Францией и США ухудшились. Был упущен шанс создать антигитлеровскую коалицию с участием СССР еще осенью 1939 г., после нападения Германии на Польшу.

Natalya S. Lebedeva. September 1939: Poland Between Germany and the USSR.

The article provides a study of political and military events which help to reconstruct a more comprehensive picture of the collapse of the Polish state and its partition in 1939. Special attention is paid to the actions of the Soviet Union, aimed at establishing Soviet control over Western Ukraine and Western Byelorussia, which formerly belonged to Poland.

1. В справке утверждалось, что «золотой дождь американских долларов оплодотворил тяжелую промышленность гитлеровской Германии, и в частности, военную промышленность», вложив «в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления его агрессии», а англо-французская политика «умиротворения» агрессоров «привела ко Второй мировой войне». См.: Фальсификаторы истории. (Историческая справка). М., 1948. С. 12–13.
2. История второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 1. М., 1973. С. XI.
3. См.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С. 3. Случ. М., 2007.
4. Известия. 1989. 25 декабря.
5. См. подр.: Россия. XX век. Советская историография. М.: РГГУ, 1996.
6. См.: Дурачинский Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 157–158 (далее — Международный кризис 1939–1941 гг.).
7. Э. Дурачинский отмечает, что советско-германский договор был полностью проигнорирован Варшавой. Там исключалась сама возможность германо-советского нападения на Польшу. (Дурачинский Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты. С. 160). Я. Липинский также констатировал, что Польша не проявила большого интереса к советско-германским переговорам, а ее послы в Париже и Москве Ю. Лукасевич и В. Гжибовский никогда не верили в существование секретного протокола. Лишь позднее польское правительство в изгнании, по-видимому, поверило в существование секретных статей. (Липинский Я. Секретные переговоры Сталина и Гитлера — нескончаемая история с 1939 г. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 32).
8. Хотя 3 сентября начальник Генштаба французской армии генерал М. Гамелен заверил главнокомандующего польскими вооруженными силами Э. Рыдз-Смиглы, что Франция на следующий день начнет военные действия против Германии, ни Франция, ни Великобритания практически не оказали жертве агрессии реальную помощь. 6 сентября статс-секретарь германского МИД Э. Вайцзекер в беседе с советским полпредом А. А. Шкварцевым констатировал, что «на западном фронте не было ни одного выстрела» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 68. Л. 15). Генерал А. Йодль же утверждал, что вермахт «ни в 1938, ни в 1939 г. не был способен выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражение, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными». Военный атташе Польши во Франции 7 сентября со своей стороны сообщал в Варшаву: «На Западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно также нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше». (Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 248).
9. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 209. Л. 43.
10. Документы внешней политики. (далее — ДВП). Т. XXII. Кн. 2. Сентябрь–декабрь. М., 1992. С. 6–7. 1 сентября советские газеты поместили сделанный накануне доклад Молотова о ратификации советско-германского пакта о ненападении, где в числе прочего указывалось, что англо-французские «поджигатели войны» напрасно пытались «столкнуть лбами Советский Союз и Германию»; эти страны перестали быть врагами», наладили «добрые отношения», хотя «СССР не обязан втягиваться в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии».
11. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 7.
12. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1941. Baden-Baden, 1950–1970 (далее — ADAP). Bd. 8. Baden-Baden, 1961. S. 34–35.
13. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 68. Л. 3, 5; Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1989. Док. 628. 4 сентября Сталин, стремясь воспользоваться благоприятной обстановкой для развития отношений в области экономики, лично сформулировал решение политбюро, которым обязывал А. И. Микояна и Л. М. Кагановича в двухдневный срок подготовить две группы специалистов для отправки в Германию по заказам моторов и самолетов, а также группу по заказам станков и другого оборудования для производства снарядов. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 614. Л. 5).
14. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 600.
15. Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 45. Примечательно, что 3 сентября в передовой статье «Франкфуртер Цайтунг», озаглавленной «Гитлер и Молотов», указывалось: «Необходимость установить новый порядок в большом пространстве Восточной Европы и устранить там в будущем опасность конфликтов стала задачей, к которой Германия и Советская Россия подходят с общих точек зрения» (ДВП. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 15). В дальнейшем германская сторона продолжала организовывать «утечку» информации, свидетельствующую о далеко идущих договоренностях с СССР. Возвратившийся из Берлина в Париж бывший посол Р. Кулондр сообщил, что между Берлином и Москвой имеется полная договоренность, заключено секретное соглашение, предусматривающее не то раздел Польши, не то единый дипломатический фронт. Многие деятели культуры и науки, сочувствовавшие ранее СССР, резко изменили к нему отношение. Ромен Роллан, в частности, прислал резкое письмо в Комитет друзей СССР. (Там же. С. 60). Из беседы с министром иностранных дел Бельгии П.-А. Спааком советский полпред Е. В. Рубинин вынес впечатление, что германский посол в этой стране усиленно распространяет слухи о наличии «далеко идущего» советско-германского соглашения. (Там же. С. 66).
16. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 25–26. Под этим предлогом Польше было отказано в поставках и транзите военных материалов. В беседе же с турецким послом А. Х. Актаем, состоявшейся в тот же день, Молотов подчеркнул, что переговоры, которые вели СССР, Франция и Великобритания, окончились безрезультатно не по вине СССР. «Это вина англичан, французов и поляков. Мы должны были искать другие возможности проведения политики мира для СССР, который не хочет участвовать в войне, если на него не нападут», — сказал нарком. (Там же. С. 26).

17. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 25, 26, 28. 5 сентября Браухич сообщил Пуркаеву, что до Варшавы осталось пройти 100 км, и спросил, будет ли разоружена польская армия при ее отходе за линию разграничения в направлении к границам Советского Союза.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 162; Оп. 166. Д. 613. Л. 98. В основу этого решения было положено постановление Совета народных комиссаров СССР от 29 августа. Предусматривалось создание 76 ординарных дивизий по 6 000 человек каждая, 13 горных стрелковых дивизий и 33 ординарных стрелковых дивизий по 3 000 чел. 2 сентября СНК СССР утвердил «План реорганизации сухопутных сил РККА на 1939–1940 гг.». (Штатная численность ее определялась в 2 265 тыс. чел. С 20 часов на советско-польской границе был введен режим усиленной охраны. Все погранотряды были приведены в боевую походную готовность /РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. 126–147/).
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 162, 167; Оп. 166. Л. 134–137. Это решение было принято на основе записки Ворошилова в политбюро Сталину и СНК Молотову от 3.IX.1939 г.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 8. С 8 по 16 сентября было погружено 2888 воинских эшелонов, из которых к 16 сентября 2058 прибыли и были разгружены. 16 сентября Политбюро приняло решение о переводе железнодорожной охраны на положение военного времени в Ленинградском, Калининском, Белорусском особом, Киевском особом, Московском, Орловском и Харьковском округах. В его основу были положены предложения Ворошилова от 14 сентября (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 614. Л. 41–42).
21. Там же. Оп. 3. Д. 1014. Л. 13; Оп. 166. Л. 19. В Экономсовет были дополнительно введены С. М. Буденный, Е. А. Щаденко и Л. З. Мехлис; в Комитет обороны — Н. Г. Кузнецов, А. А. Жданов, А. И. Микоян, Л. П. Берия, Г. И. Кулик, Б. М. Шапошников и И. И. Проскуров.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 15. Л. 1–16.
23. Там же. Л. 20–31.
24. Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г. / Составители, авторы вступительной статьи и комментариев Н. С. Лебедева и М. М. Наринский. М.: Памятники исторической мысли, 1994. С. 99–107.
25. Там же. С. 10–11.
26. Там же. С. 88–89.
27. Там же. С. 96–98.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 614. Л. 52. Решение было принято на основе проекта постановления СНК, датированного 13 сентября. 18 сентября было принято еще одно решение высшей партийной инстанции о дополнительном поднятии приписного состава этих же флотов и, кроме того, Днепровской военной флотилии — всего 23 566 чел. (Там же. Л. 88–90).
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 614. Л. 189–190. 25 сентября Политбюро разрешило Наркомату военно-морского флота использовать на Балтике теплоход «Пионер». (Там же. Л. 188).
30. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 69. Л. 1–6; Катень. Пленники необъявленной войны. Документы / Отв. сост. Н. С. Лебедева. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. С. 59–61. (далее — Катень. Документы).
31. СССР — Германия. 1939–1941. В 2-х т. / Сост. Ю. Фельштинский. Нью-Йорк, 1989. Т. 1. С. 81.
32. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1. М., 1995. С. 70–71. Чем должны были заниматься эти группы, явствует из приказа Берии от 15 сентября. По мере продвижения советских войск и занятия тех или иных населенных пунктов следовало создавать местные органы власти — временные управления, в состав которых входили бы руководитель соответствующей оперативной группы НКВД. Чекистам надлежало обеспечивать порядок, пресекать бы подрывную работу, подавлять «контрреволюционные действия», создавать аппарат НКВД. Опергруппам надлежало занять все учреждения связи, тюрьмы, банки, казначейства, типографии, редакции газет, склады бумаги, государственные архивы. Они должны были арестовать «наиболее реакционных» представителей правительственной администрации, партий, эмигрантских организаций, изъять оружие у населения, обеспечить охрану электростанций, водопровода, продовольственных складов и т.д. (Там же. С. 71–73).
33. ADAP. Bd. 8. S. 34–35. Примечательно, что впервые формулировку о прекращении существования Польши как государства употребил в своей беседе с советским полпредом в Берлине японский посол Х. Осима 8 сентября. «По его мнению, война в Польше закончится на ближайшей неделе. Польша как государство прекратит свое существование. Настоящее ее положение безнадежное, а польский народ потерял всякое доверие к своему правительству...», — сообщал в НКВД А. А. Шварцев (ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 46).
34. СССР — Германия. 1939–1941. Т. 1. С. 92.
35. Там же. С. 93.
36. Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. С. 49–50.
37. ADAP. Bd. 8. S. 54.
38. См. подробнее: Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. С. 51–54; Случ С. З. Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940) / Отв. ред. Л. Я. Гибанский. М., 1990. С. 25–26.
39. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 209. Л. 48–49. В. П. Потемкин далее сообщал: «Я сухо ответил Пайяру, что значение этого мероприятия достаточно ясно указано в официальном сообщении. Пайяр пробовал было пойти дальше в своих расспросах, чтобы выяснить, куда направляются мобилизованные, не готовятся ли нами какие-либо операции на

нашем западном фронте. Я заявил Пайяру, что мы сами не ставим перед нашими властями подобных вопросов. Меня удивляет, что как бывший участник империалистической войны, он не понимает неуместность своего любопытства».

40. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 224. Л. 23; Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 68. Л. 43–44; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 72, 74, 78. Текст статьи был подготовлен А. А. Ждановым и отредактирован лично Сталиным. Главной причиной поражения Польши в ней называлось угнетение украинских и белорусских национальных меньшинств. Суриц, сообщая о «шуме, поднятом опубликованием статьи в Правде», констатировал: «Многие ставят уже вопрос о форме, в которой выльется наша интервенция, и наиболее вероятным ее вариантом считается предварительный призыв к нам украинцев и белорусов». Полпред в Бельгии Е. В. Рубинин, в свою очередь, сообщал в НКВД: «Статья „Правды“ истолковывается как подготовка занятия нами западных Белоруссии и Украины. Наш пакт с Германией был встречен враждебно и правящими кругами, и общественными... Статья „Правды“ вызвала обострение этой враждебности, поскольку в ней усматривают шаги на пути к дальнейшему сближению с Германией... Наряду с заявлениями, что советская оккупация Западной Украины и Белоруссии повлечет состояние войны между СССР и англо-французами, можно слышать мнение, что эти меры могут быть продиктованы стремлением СССР создать плотину на пути германской экспансии на восток». (ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 90, 97). Шведский посланник в Германии А. Рикерт также воспринял статью в «Правде» как свидетельство скорого вмешательства СССР в решение польской проблемы. Шкварцев поспешил его заверить в том, что о каком-либо вмешательстве СССР ему ничего не известно. (АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 68. л. 54).

41. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 82. Занять Вильнюс литовцев подбивала германская сторона. 9 сентября Риббентроп с согласия Гитлера предложил своему посланнику в Литве Э. Цехлину привлечь внимание правительства Литвы к вопросу о Вильнюсе. Спустя несколько дней Цехлин сообщил в Берлин, что, объявив нейтралитет, Литва не может открыто выдвинуть это требование, к тому же она опасается негативной реакции со стороны СССР. Тем не менее, 12 сентября К. Шкирпа зондировал почву в этом направлении, сказав А. А. Шкварцеву: «Он считает, что наступила пора решить вопрос о необходимости присоединения к Литве северо-восточной части Польши, населенной главным образом литовцами, тяготеющими к Литве». (СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская Республика (март 1939 — август 1940 гг.). Вильнюс, 2006. С. 30; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 69).

42. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 68. Л. 20; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 44.

43. DGFP. 1918–1945. Vol. VIII. P. 77.

44. АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 68. Л. 53.

45. Катынь. Документы. С. 59–63.

46. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

47. Там же. Л. 1–4.

48. Там же. Д. 555. Л. 1–4.

49. Там же. Л. 16.

50. РГВА. Ф. 35084. Оп. 1 с. Д. 2. Л. 1–2.

51. Там же. Д. 3. Л. 26–27.

52. Там же. Д. 3. Л. 1–3.; ф. 35086. Оп. 1. Д. 535. Л. 45.

53. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1 с. Д. 556. Л. 20.

54. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 86.

55. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 556. Л. 16–19.

56. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. М., 1973. С. 178.

57. РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 19. Л. 87–90; Катынь. Документы. С. 131–134.

58. См. подробнее: *Невежин В. А.* Польша в советской пропаганде 1939–1941 // Россия и внешний мир. Диалог культур. М., 1997. С. 73–86. 17 сентября Политуправление РККА в своей директиве подчеркнуло, что части Красной Армии «перешли границу Польши, неся с собой свободу и счастье украинцам и белорусам, населяющим Польшу, мир польскому народу».

59. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 101–102. 9 октября из Москвы в Ленинград для дальнейшего выезда в Финляндию отбыли 115 человек во главе с В. Гжибовским. Генеральный консул в Киеве Матушевский бесследно пропал.

60. Там же. С. 98. Даладье пытался при этом выяснить, является ли занятие советскими войсками части польской территории мерой предупредительного порядка против их оккупации немцами или оно является результатом предварительного соглашения между Германией и СССР, берет ли СССР украинское и белорусское население под свой протекторат для защиты временно или он намерен окончательно присоединить это население к Советскому Союзу. Германо-советское коммюнике, однако, положило конец надеждам на Западе, где еще мечтали, что советское вторжение в Польшу может вылиться в военный конфликт с Германией. «Сейчас никто дальше уже не сомневается, что между нами и Германией существует соглашение и относительно будущности самой Польши... Что касается реакции на нашу интервенцию в Польше, то уже сейчас с известной долей уверенности можно сказать, что французское правительство никаких „выводов“ сейчас не делает и будет занимать выжидательную политику», — писал в Москву полпред во Франции Я. З. Суриц. (Там же. С. 103). Соответствующий демарш был предпринят по поручению своего правительства Ж. Пайяром в ходе разговора с В. П. Потемкиным. Поверенный в делах Франции спрашивал, не означает ли советско-германское коммюнике, что между СССР и Германией заключен военный союз, и как примирить заявление Советского правительства о нейтралитете СССР в отношении Франции с совместными действиями Красной Армии и германских войск в Польше, защищая которую, та же Франция уже находится в состоянии войны с Германией. (Там же. С. 107–108).

61. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 104, 119.

62. АВР РФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 68. Л. 62; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 122, 128. Подробнее о реакции в мире на польские события см.: Чубарьян А. О. Указ. Соч. С. 60–74.
63. АВР РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 21. Д. 231. Л. 6–9; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990. С. 50–51.
64. АВР РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 72. Румынский посол при этом сказал: «Ввиду особых условий, создавшихся в Польше, польское правительство просило у румынского правительства убежища для своих министров. Несмотря на то, что эта просьба была удовлетворена, румынское правительство продолжает соблюдать строгий нейтралитет и стремится избежать каких-либо инцидентов между румынскими и советскими войсками. Имевшие уже место в связи с русским наступлением инциденты были быстро ликвидированы румынским правительством и в дальнейшем будут приложены все усилия к их ликвидации. Согласно политике нейтралитета, польские войска, перешедшие румынскую границу, были разоружены и интернированы. Т. Молотов ответил, что он принимает к сведению заявление румынского правительства...».
65. Катынь. Документы. С. 65.
66. ДВП. Т. XX. Кн. 2. С. 108–109.
67. Там же. С. 98; Внешняя политика СССР (1935–июнь 1941 г.) М., 1946. Т. 4. С. 446–447, 449. Текст немецкого проекта коммюнике см.: Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. С. 51. Молотов в разговоре с Шуленбургом 16 сентября пытался убедить германскую сторону в том, что для мотивации действий, оправдывающей СССР перед другими странами и его собственным населением за вмешательство в польские дела, необходимо привести аргумент о защите украинских и белорусских братьев. Однако, в конце концов, от этого тезиса в коммюнике пришлось отказаться, учитывая решительные возражения со стороны Берлина. В то же время Москва настояла на том, чтобы в этом документе не упоминалось о «сферах интересов» двух стран.
68. ADAP. Bd. 8. S. 72.
69. Семиряга М. И. 17 сентября 1939 года // Славяноведение. 1990. № 5. С. 13.
70. РГВА. Ф. 35084. Оп. 1е. Д. 2. Л. 6–9.
71. Там же. Л. 9–11.
72. Там же. Л. 12–13; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 555. Л. 78.
73. Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–16.
74. Там же. Ф. 35086. Оп. 1е. Д. 556. Л. 20–23.
75. Там же. Ф. 35084. Оп. 1е. Д. 2. Л. 32; Д. 4. Л. 3.
76. Там же. Ф. 35086. Оп. 1е. Д. 556. Л. 20.
77. РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 12; Правда. 1939. 23 сентября.
78. РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 24–25.
79. ADAP. Bd. 8. S. 85, 88; Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. С. 58–59.
80. РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–41.
81. РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 60, 63; Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. С. 327.
82. РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 4. Л. 4–6.
83. Там же. Д. 7. Л. 17–18.
84. Катынь. Документы. С. 77.
85. Там же. С. 83–85.
86. Köstring E. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941. Frankfurt a.M., 1965. S. 177; Случ С. 3. Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5. С. 46–58.
87. РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.
88. Там же. Д. 7. Л. 24–30.
89. Там же. Д. 13. Л. 39; Д. 11. Л. 11, 130.
90. Там же. Д. 14. Л. 130–131.
91. Там же. Д. 17. Л. 69.
92. Там же. Д. 10. Л. 120.
93. Там же. Л. 243; Д. 4. Л. 45; Д. 7. Л. 179–180.
94. Там же. Д. 12. Л. 34.
95. Там же. Д. 4. Л. 10.
96. Там же. Д. 2. Л. 35.
97. СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская республика (март 1939 — август 1940 гг.) / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс. Н. С. Лебедева. Вильнюс, 2006. С. 197–210.
98. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 606–617.

- ⁹⁹. Там же. С.134–137.
- ¹⁰⁰. Там же. С. 137.
- ¹⁰¹. Там же. С. 360. После вступления Красной Армии на территорию Польши советские дипломаты в Лондоне и Париже намекали британским и французским политикам, что цель советского похода — создать барьер против Германии.
- ¹⁰². РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Д. 8. Л. 175.
- ¹⁰³. Там же. Д. 5. Л. 90–96.
- ¹⁰⁴. Там же. Д. 12. Л. 248.
- ¹⁰⁵. По данным белорусского историка М. П. Костюка, до конца сентября 1939 г. потери только Белорусского фронта составили около тысячи убитыми и более 2 000 ранеными. (*Костюк М. П. Беларусь в международно-политическом кризисе 1939–1941 гг. // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 300*).
- ¹⁰⁶. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 224.
- ¹⁰⁷. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 615. Л. 5–11
- ¹⁰⁸. Там же. Оп. 3. Д. 1014. Л. 57–61.
- ¹⁰⁹. Там же. Оп. 166. Д. 614. Л. 235–237. 1 октября 1939 г. комиссия политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам утвердила приговоры трибунала 11-й армии Белорусского фронта от 27 сентября о расстреле В. И. Шнель, 437-го трибунала Украинского фронта от 26 сентября о высшей мере наказания в отношении С. Г. Будзинского и от 28 сентября в отношении И. М. Изидорчика и М. Н. Михальчишина; военного трибунала 3-го кавалерийского корпуса от 27 сентября о применении расстрела к Л. К. Станкевичу, П. П. Мицкевичу, В. Э. Квек, Л. М. Романовскому, О. К. Шеленговскому, Т. И. Войташек, В. М. Перковичу; и целый ряд приговоров других военных трибуналов (Там же. Д. 615. Л.1–3). С октября 1939 г. выносились и расстрельные приговоры польским евреям, бежавшим в СССР от преследований германских властей и нелегально перешедшим границу (Там же. Л. 64, 92)
- ¹¹⁰. Там же. Д. 637. Л. 94–95.